

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Новости русской и иностранной богословской литературы

Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 6. С. 1004-1030.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Новости русской и иностранной богословской литературы.

Критика новозавѣтнаго текста со времени Лахмана Арнольда Рюэгга. Цюрихъ 1892 ¹⁾.

Эта небольшая по объему (въ 97 страницъ), но не малая по денежной цѣнности (около 1 р. 20 коп.) книжка имѣетъ свою цѣлю помочь свѣдущему читателю и облегчить труды „ориентироваться“ въ вопросахъ новозавѣтной текстуальной критики. Во всѣхъ отношеніяхъ задача эта можетъ быть названа вполне почтенною. Новозавѣтный текстъ, сдѣлавшійся предметомъ научной разработки по причинѣ утраты подлинныхъ автографовъ и за отсутствіемъ вѣрныхъ копій, не получилъ твердой устойчивости въ своихъ реконструкцияхъ. Въ этомъ смыслѣ всякаго новичка сильно поражаетъ и затрудняетъ разнообразіе текстуальныхъ типовъ. Не говоримъ о богослужебно-церковныхъ чтеніяхъ и пройдемъ даже *textus receptus*, за свое долготѣнее владычество до самаго XIX-го столѣтія расплачивающійся въ послѣднемъ упорнымъ къ нему пренебреженіемъ, не чуждымъ прямого и злобнаго презрѣнія. Помимо этого — даже въ солидарной критической области не усматривается не только хорошаго, но — иногда — и худого мира, который — по пословицѣ — лучше доброй ссоры. Справедливымъ критическимъ авторитетомъ доселѣ пользуются три изданія: квакера Триджельса (*Samuel Prideaux Tregelles*), ТишENDORФА (*Sottlob (Aenotheus) Friedrich Constantin (v.) Tischendorf*) и Весткотта (*Brooke Foss Westcott*) + ХОРТА (*Fenton John Antony Hort*). Всѣ они построены по сходному методу, создаются на унциальной основѣ и располагаютъ одинаковымъ матеріаломъ, которымъ третье заимствуется отъ пред-

¹⁾ Die Neutestamentliche Textkritik seit Lachmann. Ein Versuch zur Orientierung von *Arnold Rüegg*. Zürich: Verlag des Art. Institut Orell Füssli.

шественниковъ безъ существенныхъ дополненій. Не смотря на это единство условій,—въ слѣдствіяхъ получается не гармоничный диссонансъ. Тишендорфъ колебался въ выборѣ вождей между ватиканскою и синайскою рукописями; правда, онъ отдалъ предпочтеніе второй, но именно по этому возможно такое сужденіе, что,—богатое и пока не замѣнимое, по подбору текстуальныхъ данныхъ въ огромномъ аппаратѣ,—его editio octava critica maior по текстуальной реконструкціи ниже седьмого изданія. А затѣмъ Весткотъ и Хортъ опять вернулись къ ватиканскому кодексу и тѣмъ категорически выразили, что прогрессъ былъ въ дѣйствительности попятнымъ движеніемъ. Если же при этомъ вспомнить, что, совпадая съ покойнымъ еп. Порфиріемъ (Успенскимъ) въ оцѣнкѣ синайскаго манускрипта, деканъ Буржонъ ¹⁾ не менѣе громилъ и ватиканскій, какъ равно негодный и лживый, то легко понять всю непрочность положенія. Съ этой стороны даже прирость фактическихъ текстуальныхъ свѣдѣній не избавляетъ отъ смятеній и, увеличивая наличную массу вариантовъ, возбуждаетъ въ иныхъ опасеніе, что въ текстуально-критической области мы живемъ на вулканѣ (Ед. Миллеръ). ²⁾

При такихъ условіяхъ бываетъ желанною всякая попытка, направленная къ точному освѣдомленію въ предметѣ, чтобы каждый могъ разбираться самостоятельно и судить съ содержательною осмысленностію. Вообще, тема не возбуждаетъ недоумѣній, какъ легко примириться и съ ея ограниченіемъ. Конечно, до начала XIX-го вѣка новозавѣтный текстъ пережилъ немалую научную исторію, и краткій отчетъ о всемъ прошломъ былъ бы прекраснымъ введеніемъ. Однако нужно согласиться, что систематически-принципіальная разработка новозавѣтнаго текста началась собственно съ тѣхъ поръ, какъ берлинскій филологъ-классикъ Карлъ Лахманъ (род. 1793 г. † 1851 г.) выпустилъ въ 1831 г. свое греческое изданіе Новаго Завѣта, предваривъ его въ 1830 г. трактатомъ въ журналѣ „*Studien und Kritiken*“. Съ другой стороны въ изданіи Весткотта и Хорта господствующія критическія начала получили наилучшее выраженіе, а тогда въ дальнѣйшемъ возможны либо частичныя преобразованія, либо радикальныя измѣненія. Объ этомъ мы узнаемъ при осуществленіи колоссальнаго предпріятія берлинскаго проф. Г. ф.-Зодена; пока же всѣмъ одинаково необходимо быть точно освѣдомленными касательно главнѣйшихъ фактовъ въ исторіи новозавѣтной текстуальной критики, чтобы не отличатся

¹⁾ О немъ см. въ замѣткѣ о книгѣ Ед. Миллера въ „Христ. Чтеніа“ 1900, № 5, стр. 863—864.

²⁾ Нѣкоторыя частности по вопросамъ новозавѣтной текстуальной критики см. у Н. Н. Глубоковскаго, въ четвертой главѣ его изслѣдованія Греческаго рукописнаго Евангелистарія (Спб. 1898).

куръезами, которыми столь богата русская литература, гдѣ, напр., въ одномъ показаномъ—ученомъ сочиненіи объ ученіи Спасителя выписка изъ классически-извѣстнаго кодекса—о словахъ Господа работавшему въ субботу, что онъ блаженъ, если знаетъ, что дѣлаетъ,—называлась древнею глоссою, и во второмъ изданіи книги объ ней уже забыта оговорка, что она относится не къ Мрк. II, 28, а къ Лк. VI, 4.

Но легко понять, что не всякій имѣетъ время и удобства и еще менѣе такихъ, у кого есть средства самостоятельно познакомиться со всею литературой. Поэтому научный суррогатъ для многихъ является прямою необходимостію. На удовлетвореніе ея и рассчитана книжка пастора А. Рюэгга. Авторъ задался цѣлю документально изобразить историческій ходъ новозавѣтно-текстуальнаго критическаго развитія и слѣдить его съ неуклонною послѣдовательностію въ очерченныхъ рамкахъ. Упомянувъ о критическихъ опытахъ до Лахмана, Рюэггъ говоритъ затѣмъ о заслугахъ послѣдняго, а рѣчь о продолженіи его работъ предваряетъ точными сообщеніями о новыхъ разысканіяхъ прежнихъ текстуальныхъ матеріаловъ и объ увеличеніи ихъ позднѣйшими открытіями. При обработкѣ всей совокупности этихъ данныхъ на первый планъ выдвигаются почтенныя имена двухъ современниковъ—Триджельса (род. 30-го января 1813 г. † 24-го апрѣля 1875 г.) и Тишендорфа (род. 18-го января 1815 г.— † 7-го декабря 1874 г.); засимъ обозрѣваются труды по установленію прочныхъ текстуально-критическихъ основъ и, какъ увѣнчаніе ихъ, рассматривается изданіе бывшихъ кэмбриджскихъ профф.—Весткотта (род. 12-го января 1825 г., нынѣ епископъ Дэрхэмскій) и Хорта (род. 23-го апрѣля 1828 г.— † 30-го ноября 1892 г.). Отчетъ заканчивается подведеніемъ „практическихъ результатовъ“, которые наглядно иллюстрируются характерными примѣрами; въ приложеніи дана таблица важнѣйшихъ манускриптовъ съ указаніемъ мѣста ихъ теперешняго нахождения, вѣка, содержанія, изданій и изслѣдователей.

Рефератъ составленъ способною рукой скромнаго лица, не прерывающаго своихъ занятій въ текстуально-критической области, судя потому, что—въ званіи приватъ-доцента—Рюэггъ опубликовалъ (въ „*Studien und Kritiken*“ 1896, I, S. 94—101) интересную замѣтку (*Die Lukasschriften und der Raumzwang des antiken Buchwesens*) по объясненію объема и нѣкоторыхъ особенностей въ писаніяхъ св. Евангелиста Луки изъ качествъ тогдашняго писчаго матеріала. Но всего цѣннѣе въ сочиненіи то, что авторъ вездѣ старается говорить языкомъ своихъ источниковъ и, давая типическія выдержки, рисуетъ всѣ важнѣйшіе моменты во всей реалистической полнотѣ. Этимъ до извѣстной степени замѣняется вся соотвѣтствующая бібліотека для не любящихъ и не могущихъ простираться во всѣ закоулки текстуально-критическаго

лабиринта или облегчается приступъ къ крѣпости для храбрѣцовъ. вмѣстѣ съ этимъ сохраняется и надлежащій объективизмъ, при чемъ читатель получаетъ достаточныя средства для обоснованнаго сужденія о критикахъ и о критическихъ симпатіяхъ Рюэгга.

Кратко сказать, анализируемая книжка вполне полезна для освѣдомленія въ вопросахъ новозавѣтной текстуальной критики и помогаетъ приобрѣтенію болѣе осмысленнаго отношенія къ письменному слову Божию въ Новомъ Завѣтѣ.
Г.

Евангеліе Павла есть Евангеліе Иисуса. Джемса Джеффея. Единбургъ и Лондонъ 1899 ¹⁾.

Эта популярная и небольшая, но поанглійски оцѣненная (3 s. 6 d., 3 шиллинга 6 пенсовъ или около 1 р. 80 коп. за 149 страницъ) книжка одинаково затрогиваетъ интересы вѣры и богословскаго знанія. Для первой вся новозавѣтная боговдохновенная письменность является безспорнымъ средствомъ къ постиженію спасительнаго избавленія Христова, и для нея въ высшей степени дорога увѣренность, что всѣ новозавѣтные писатели не уклоняются отъ объективной истинности, но во всей точности и безъ всякихъ собственныхъ примѣсей воспроизводятъ предъ нами лицо Господа Искупителя въ ученіи и дѣлѣ Его благодѣянаго подвига на землѣ. Въ требованій вѣры—разумъ можетъ смотрѣть на этотъ предметъ нѣсколько иначе, если будетъ видѣть въ новозавѣтныхъ книгахъ преимущественно литературныя историческія памятники, которые сохраняютъ свою научную цѣнность даже при всей незначительности ихъ содержанія. Однако и для такого „научнаго“ убѣжденія совсѣмъ безразлично литературно-предметное достоинство этихъ документовъ, потому что, помогая правильному воззрѣнію на нихъ, подобное разслѣдованіе способствуетъ истинному пониманію и самого историческаго хода „новозавѣтныхъ событій“, первостепенныхъ по своему влиянію на характеръ и строй всемірной цивилизаціи.

Здѣсь не мѣсто входить во всѣ подробности, и мы отмѣтимъ лишь кратко, что въ научной разработкѣ темы доселѣ встрѣчается много недоумѣнныхъ пунктовъ. Реформація съ тенденціознымъ преувеличеніемъ и партійнымъ перетолкованіемъ выдвинула авторитетъ Апостола Павла въ качествѣ единственнаго надежнаго путеводителя къ надлежащему уразумѣнію ученія Христова. Наряду съ этимъ критика жестоко обрушилась на теперешнія каноническія Евангелія и прини-

¹⁾ Gospel of Paul the Gospel of Jesus by *James Jeffrey*. Edinburgh and London 1899 y Oliphant Anderson and Ferrier.

женіемъ ихъ поддерживала павлинистическую гегемонію. Но постепенно начали обрисовываться и другія перспективы. Съ колебаніемъ каноническихъ евангельскихъ записей ускользала отъ взора и изображенная въ нихъ личность Христа Спасителя, приобрѣтая въ критическихъ біографіяхъ скромныя размѣры оригинальнаго іудейскаго раввина. Въ такомъ случаѣ высокое христіанское созерцаніе Павловыхъ посланій являлось собственнымъ продуктомъ или самобытною трансформаціей гениальнаго творчества Апостола языковъ. Ученикъ неизбѣжно вытѣснялъ Учителя въ достоинствѣ дѣйствительнаго основателя и созидателя христіанства. Такое преимущество бымо неразрывно отъ роковой слабости. Св. Павелъ неизмѣнно утверждалъ, что онъ былъ и желаетъ оставаться только безупречнымъ вѣстникомъ Евангелія Христова, а потому его улучшения свидѣлствуютъ либо о непохвальномъ непониманіи, либо о зазорномъ извращеніи, когда онъ бываетъ уже искажителемъ доктрины Искупителя. Впрочемъ, эта разность ни чуть не измѣняетъ въ томъ принципиальномъ заключеніи, что писанія Павловы не представляютъ намъ въ желанной непосредственности ученія Христова; разъ же для вѣры и науки первѣе всего требуется послѣднее, то отсюда и возникло новое направленіе, выражающееся лозунгомъ „назадъ ко Христу“, который громко раздается теперь и на континентѣ и въ Англіи. Но по самымъ условіямъ формировація этого научно-религіознаго теченія очевидно, что оно тоже отличается крайностію и грозитъ множествомъ особыхъ опасностей.

Авторъ разсматриваемый книжки и стремится предотвратить ихъ и охладить увлеченія объективнымъ изложеніемъ важнѣйшихъ сторонъ предмета. Въ краткомъ введеніи очерчивается самая тема чрезъ опредѣленіе законнаго мѣста для благовѣстія Павлова, а затѣмъ анализируется его содержаніе въ хронологическомъ порядкѣ посланій къ Фессалоникійцамъ, Коринтянамъ, Галатамъ, Римлянамъ, Филиппійцамъ, Колоссянамъ, Ефесянамъ, Тимоѳею и Титу, при чемъ посланіе къ Евреямъ выдѣляется въ виду его спорности, но при несомнѣнности его показательной силы о христіанскихъ убѣжденіяхъ перваго вѣка. Въ этомъ обзорѣ всюду раскрывается объективная прочность апостольской проповѣди по согласію ея съ Евангеліемъ Христовымъ, которое было для св. Павла исключительнымъ источникомъ, будучи незаблемымъ авторитетомъ для всѣхъ Апостоловъ, какъ это иллюстрируется солидностію эллинскаго миссіонера съ вѣщаніями самовидцевъ—Петра и Іоанна Богослова. Въ суммарномъ обобщеніи подводятся существенныя результаты, и конечный итогъ ихъ тотъ, что „Евангеліе Павла было Евангеліемъ Иисуса“ (а не собственнымъ его изобрѣтеніемъ).

На свой вопросъ книжка отвѣчаетъ съ категорическою

отчетливостію. Нельзя сказать, чтобы избранный путь къ этой цѣли былъ самый близкій, чтобы авторъ вездѣ шелъ побѣднымъ маршемъ, не сворачивалъ въ стороны и не ослабѣвалъ въ скромной роли незнатнаго странника. Это обычный популяризаторъ въ англійскомъ стилѣ — безъ тяжелой науки, но и не безъ приличныхъ запасовъ этого продовольствія. Поэтому главнѣйшіе пункты отмѣчаются съ достаточною точностію и разбираются въ духѣ общихъ научныхъ требованій, хотя и безъ претензіи на ихъ всестороннее удовлетвореніе. Знакомый тонъ принятой англійской увѣщательности вполнѣ подходит къ основной тенденціи сочиненія — вызвать душевную убѣжденность, что въ апостольскихъ писаніяхъ, передающихъ намъ о жизни и служеніи Христа Спасителя, отражается не обманчивая фата—моргана, а отъ Отца свѣтовъ сияетъ истинное солнце правды, просвѣщающее, освѣщающее и оживляющее всякаго человѣка въ мірѣ. Г.

Исторія іудейскаго народа въ вѣкъ Іисуса Христа проф. Емilia Шюрера т. II—III въ 3-мъ изданіи, Лейпцигъ 1898 ¹⁾).

Изученіе, оцѣнка и надлежащее использованіе древнихъ литературныхъ памятниковъ требуетъ такихъ многостороннихъ и разнообразныхъ знаній, что самостоятельное приобрѣтеніе ихъ почти недоступно для самаго пламеннаго единичнаго усердія. Это въ преимущественной степени относится и къ новозавѣтной эпохѣ. Небольшая хронологически и по району ея первоначальнаго разсвѣта,—она имѣетъ столь несравнимую мировую важность, что по отношенію къ ней сугубо необходима величайшая тщательность въ строжайшемъ изслѣдованіи всѣхъ деталей. Но это необычайное значеніе свидѣтельствуетъ и о неисчерпаемости жизненныхъ интересовъ, которые связываются съ даннымъ временемъ. Новозавѣтный періодъ—это мировой узелъ, гдѣ безвозвратное прошлое смыкается съ вѣчнымъ настоящимъ, когда тьма по всей земли при смерти Богочеловѣка была мрачною ночью лишь для прежней исторіи, приближая утро воскресенія для обновленнаго будущаго. Понятно отсюда, что истинное уразумѣніе немислимо здѣсь при тѣсномъ кругозорѣ и обязательно заставляетъ раздвигать горизонтъ мысли во всѣ стороны. Не менѣе естественно, что гдѣ ключъ всемірной исторіи, тамъ разумъ допускаетъ наиболѣе всяческихъ догадокъ, а страсти проявляются особенно громко, почему мы и

¹⁾ Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi von Prof. Emil Schürer. Dritte Aufl., II—III Bde. Leipzig, J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung.

находимъ тутъ массу самыхъ разнорѣчивыхъ гипотезъ и озлобленно враждующихъ теорій.

Все отмѣченное существенно осложняетъ задачу изученія новозавѣтной эпохи и давно вызывало попытки къ облегченію трудной работы. Но ближайшимъ пионеромъ въ этой области былъ бернскій проф. Dr. Matthias Schneckenburger, по смерти котораго Dr. Th. Lohnlein—съ предисловіемъ Hundeshagen'a—издалъ его лекціи подъ неуклюжимъ ²⁾ заглавіемъ *Vorlesungen über Neutestamentliche Zeitgeschichte* (Frankfurt a. M. 1862, XII+254 страницы). При тенденціозныхъ теоретическихъ увлеченіяхъ—трудъ этотъ былъ отрезвляющимъ призывомъ къ объективно-безпристрастному историческому изысканію и въ этомъ смыслѣ сыгралъ видную роль, но сравнительная скудость матеріальныхъ данныхъ и слабость построеній скоро сдѣлали книгу малоцѣнною практически. Новый опытъ послѣдовалъ со стороны (доселѣ здравствующаго) гейдельбергскаго проф. А. Hausrath'a, который выпустилъ громадную *Neutestamentliche Zeitgeschichte* (1-е изд. Heidelberg 1868—1874 въ трехъ томахъ, 2-е изд. *ibid.* 1873—1877 въ четырехъ томахъ и 3-е изд. перваго тома *ibid.* 1879). Безотносительно къ своему содержанію—это сочиненіе запечатлѣнно выдержанною конструктивностію и говорить о высокихъ творческихъ дарованіяхъ автора. Однако слишкомъ партійная окраска столько же освѣщаетъ, сколько и затемняетъ подлинную историческую дѣйствительность, а затѣмъ воссозданіе невольню устраняетъ сырой матеріалъ голыхъ фактовъ и отнимаетъ всѣ достоинства справочнаго пособія. Къ прежнему плану возвратился въ 1874 г. молодой лейпцигскій проф. Dr. Emil Schüger, который съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней безраздѣльно занимаетъ первое мѣсто въ этой области. Объ этомъ достаточно поучительно говоритъ исторія его труда. Первое изданіе—подъ старымъ заглавіемъ *Lehrbuch der Neutestamentlichen Zeitgeschichte* (Leipzig 1874)—представляло компактный томъ въ VII+698 страницъ и встрѣчено было публикой съ рѣдкимъ сочувствіемъ, потому что разошлось очень быстро. Авторъ, перебравшійся потомъ въ Гиссенъ, неослабно работалъ надъ улучшеніемъ книги и въ 1886 г. (Leipzig)—подъ новымъ и болѣе удачнымъ титуломъ *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi*—выдалъ второй томъ, превосходшій размѣрами (въ 884 стрн.) весь прежній учебникъ, а въ 1890 г. *ibid.* явился и первый томъ, тоже громадный (въ 751 стрн.). Успѣхъ этого изданія былъ много выше, но и г. Шюгеръ, переселившійся теперь въ Гэттингенъ, возрасталъ эрудиціею и опытностію и не отставалъ ни на шагъ отъ научнаго прогресса, краснорѣчивымъ памятникомъ чего служатъ его непрерывные и всегда разсуди-

²⁾ Ср. въ сл. кн., въ замѣткѣ о книгѣ г. Матьюсова.

тельно-освѣдомленные библиографическіе отчеты въ редактируемомъ имъ (вмѣстѣ съ Adolf Harnack'омъ) журналѣ „Theologische Literaturzeitung“. Естественно, что въ третьей редакціи сочиненіе оказалось обновленнымъ въ кубѣ. Авторъ стремился къ возможной краткости въ своихъ дополненіяхъ,— и тѣмъ не менѣе они были настолько обильны, что теперь уже второй томъ распался на два такъ, что старыя 1—492 страницы въ новомъ второмъ томѣ разрослись въ 584 страницы, а томъ третій въ 562 страницы замѣняетъ прежнія 493—884 страницы. Это значитъ, что книга расширилась на цѣлую треть своего объема, и при этомъ путемъ замѣщенія устарѣвшаго ³⁾ незамѣтно внесено поразительное количество дополнительныхъ данныхъ и поправокъ. Все это убѣждаетъ, что второе изданіе, сохранившее всю свою цѣнность, все же не можетъ быть компенсациею третьяго, которое должно находиться подъ рукой въ кабинетѣ всякаго научно-работающаго богослова.

Достоинства труда достаточно извѣстны и не нуждаются въ похвалахъ. Его ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы по каждому вопросу изъ іудейской исторіи въ эпоху Христа Спасителя поставить читателя на 'высотѣ научнаго развитія и дать ему возможность работать съ увѣренною научною компетентностію. Для сего нужна была—прежде всего—широкая освѣдомленность въ литературѣ предмета, и здѣсь проф. Шюреру принадлежитъ безспорная и неоспоримая честь первокласснаго библиографа, которому много уступаютъ даже лица, специально писавшія по частнымъ пунктамъ его книги. Шюреръ совсѣмъ не владѣетъ русскимъ языкомъ и русскихъ сочиненій обычно не указываетъ, но во всемъ остальномъ у него обнаруживается рѣдкая точность всякихъ библиографическихъ справокъ, а полнота ихъ простирается и на характерныя рецензіи о тѣхъ или иныхъ изданіяхъ. Эти перечни открываютъ просторъ для желающихъ самостоятельно разслѣдовать взятый предметъ и пре-

³⁾ По нашимъ наблюденіямъ, Шюреръ только въ одномъ случаѣ отказывается отъ „поновленій“, да и то по мотивамъ спорнымъ. Разумѣемъ его оговорку (въ прим. 16 на стр. 547 т. III-го), что—при наличности бывшихъ тогда двухъ томовъ (см. III, s. 493, 23) новаго изданія Филоновыхъ сочиненій *Кона* и *Вендлянда*—онъ продолжаетъ цитовать (*Mangey* и) *Richter's* „der Gleichförmigkeit halber“. Единообразіе, конечно, хорошая вещь, но оно пострадало бы очень немного, еслибы—для общей пользы—Шюреръ прибавилъ, въ соответствующихъ мѣстахъ, цифры страницъ самоновѣйшей и лучшей публикаціи твореній александрійскаго теософа. Вездѣ порядокъ долженъ помогать жизненному прогрессу постепеннымъ примѣненіемъ къ нему, а не тормозить и подавлять его своею фарисейскою консервативностію, когда онъ неизбежно вызываетъ всякіе безпорядки...

вѣрять референта; самъ же Шюреръ предлагаетъ капитальные экстракты. Тутъ особенно сказывается въ авторѣ прекрасный талантъ научнаго истолкователя. Всѣ отчеты редактированы съ поразительною сжатостію, но при этомъ каждая существенная деталь нашла себѣ законное мѣсто и представлена съ наглядною выразительностію. Однако Шюреръ вовсе не залутываетъ и не загромождаетъ мелочами, а всегда выбираетъ дѣйствительно важное и вводитъ его въ цѣлостную конструкцію. И если сочиненіе не даетъ всей „исторіи іудейскаго народа въ вѣкъ Іисуса Христа“, то по отдѣльнымъ ея сторонамъ мы имѣемъ образцы полнаго и живого воспроизведенія. И это не влечетъ за собою умолчанія о неподходящемъ, непріятномъ и т. п., ибо все важное гармонически вносится въ композицію, а въ вопросахъ спорныхъ и сложныхъ съ рельефностію показываются всѣ перспективы. Безпристрастіе автора проникнуто классическимъ спокойствіемъ, изложеніе вездѣ просто, ясно и прозрачно. Необходимо прибавить, что извлеченіе совершается совсѣмъ не механически и всюду освѣщается собственнымъ сужденіемъ Шюрера, и его голосъ по всѣмъ предметамъ имѣетъ самобытную цѣнность внушительной авторитетности.

Рѣдкостнымъ отличіемъ, много способствовавшимъ научнымъ достоинствамъ разсматриваемаго труда, является сравнительная безпартійность автора, говорящаго не отъ извѣстной школы, а во имя объективныхъ научныхъ интересовъ. Съ этимъ неразрывно связывается и умѣренность ортодоксальнаго направленія, хотя оно и не мѣшаетъ критическимъ вольностямъ въ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи. Тѣмъ не менѣе все это выражается съ разсудительною уравновѣженностію и не отнимаетъ у сочиненія качествъ возможной объективности. Самыя возраженія по этому предмету скорѣе убѣждаютъ въ противномъ. Въ июльской книжкѣ за 1899 г. лондонскаго журнала „The Jewish Quarterly Review“ (vol. XII, № 44, p. 625—642) мы прочитали статью одного изъ (двухъ) его редакторовъ I. A b r a h a m s'a подъ заглавіемъ „Professor Schürer on the Life under the Jewish Law“ и немало удивлялись, что первоначально (2-го февраля 1899 г.) она была прочитана въ видѣ рѣчи въ христіанскомъ собраніи („Общества историческаго богословія“ въ Оксфордѣ). Это былъ настоящій пасквиль на нѣмецкаго профессора за несимпатичное изображеніе послѣдствій іудейства, которое оппонентъ-еврей пробуетъ оградить даже авторитетомъ самого Спасителя. Рѣчь была нищенски бѣдна фактическими данными и наполнялась риторическимъ пафосомъ и пустословными филиппиками, но она защищала іудейскую чистоту и встрѣчена была радушно въ извѣстныхъ кругахъ. Такъ, русскому соплеменнику Абрагамса г. Н. А. Переферковичу (переводчику „Тальмуда“) англійскій аамфлетъ показался уже „блестящимъ и весьма содержательнымъ“,—и, прибавивъ

большую дозу собственной прыти, с.-петербургскій рецензентъ пишетъ обвинительный протоколъ и печатаетъ его на страницахъ (117—129-й) второй (февральской) книжки за сей годъ (еврейскаго) „учено-литературнаго и политическаго“ журнала „Восходъ“, который съ переходомъ отъ прежняго редактора (А. Е. Ландау) къ новому (М. Г. Сыркину) быстро утрачиваетъ всѣ научные ресурсы и, подъ желтъющими обложками, грозитъ превратиться въ чисто націоналистическій органъ подъ девизомъ: „плачь, воздыханія и вожделѣнія Израиля“... Вся бѣда въ томъ, что Шюреръ будто бы злонамѣренно клеветаетъ на іудейство, считая его систему мертвящимъ измышленіемъ человѣческимъ и видя въ (іудейской) „жизни подъ закономъ“ (а не *по* закону, какъ передаетъ г. Переферковичъ) бездушный формализмъ. И теперь прежнія необузданныя похвалы книгѣ, бывшей яко бы „прямо откровеніемъ“, смѣняются свирѣпымъ шипѣніемъ на постыднаго инсинуатора...

Но кто слишкомъ сердится и мало доказываетъ, тотъ чаще бываетъ неправымъ. Это случилось и съ іудейскими обличителями Шюрера. Такъ, г. Переферковичъ утверждаетъ, что во второй части, посвященной религіозной характеристикѣ іудейства, для автора „единственнымъ источникомъ служила, да и могла служить, только раввинская письменность“, а между тѣмъ присовокупляетъ курсивомъ что „Schürer съ раввинской письменностью не знакомъ“. И если свою прибавку г. Переферковичъ предваряетъ словами „странно сказать“, то это всецѣло относится къ изреченному имъ абсурду, гдѣ единственный служитель оказывается даже незнакомымъ господину. Съ другой стороны заявляется, что Шюреръ „не въ состояніи былъ найти ничего духовнаго въ раввинизмѣ, потому что заранѣе рѣшилъ, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть ничего духовнаго, ибо духъ и буква, по его мнѣнію (?), взаимно исключаютъ другъ друга“. При вѣрности этого предположенія, не лестнаго для критиковъ—изобрѣтателей, всѣ обвиненія въ невѣжествѣ будутъ пустыми и безцѣльными, такъ какъ зачѣмъ же и узнавать то, о чемъ напередъ и во вѣки все определено съ сатанинскимъ упорствомъ? Не менѣе излишни и lamentaціи по поводу невниманія Шюрера къ частнымъ исправленіямъ, коль скоро — „если хотите онъ отчасти правъ: вѣдь стоитъ отнять одну изъ составныхъ частей, какъ рухнетъ весь созданный имъ карточный домикъ преступной (?) фарисейское «жизни по (!) закону»“. Въ концѣ концовъ изъ всей этой путаницы озлобленныхъ (само) бичеваній выходитъ, что Шюреръ прекрасно знаетъ „незнакомое“, но не пожелалъ воспользоваться назойливыми услугами іудейскихъ корректоровъ... Въ этомъ все дѣло и здѣсь разгадка тайны, столь раздражающей іудейскую проницательность. Шюреръ, конечно, не специальнй знатокъ

еврейской рѣчи, но и не такой профанъ-новоукъ, чтобы не справиться съ нею, если она скрываетъ цѣнныя свѣдѣнія. Да теперь трудно назвать важное древне-іудейское извѣстіе или путное современное еврейское писаніе, которыя бы не имѣли достаточныхъ отголосковъ на европейскихъ языкахъ. Ясно, что и Лондонъ и С.-Петербургъ одинаково не годны для іудейскаго прицѣла по еврейскому невѣжеству: Шюреръ занего вовсе не прячется, и г. Переферковичъ вкупѣ съ Абрагамсомъ стрѣляютъ по воображаемой (или — тендеціозно выдуманной) мишени...

Въ одинаковой степени безспорно, что для гёттингенскаго книговѣда не остались сокрытыми всѣ серьезныя возраженія и — между ними — тѣ, которыя припоминаются обвинителями. Тогда выводъ неизбеженъ, что они не приняты во вниманіе убѣжденно, а на этотъ счетъ всѣ подозрѣнія фальшивы и оскорбительны развѣ для самыхъ іудейскихъ провидцевъ. Шюреръ не повиненъ въ ортодоксалистическомъ ретроградствѣ и по временамъ допускаетъ излишнія уступки критическому либерализму, а въ его колоссально-продуктивномъ литературномъ прошломъ даже самая уточненная еврейская обидчивость не въ силахъ подслушать юдофобскихъ тоновъ, потому что ихъ не было и нѣтъ. Инсинуаціи возвращаются по адресу отправителей, которые обязаны взять на себя болѣе трудную и болѣе плодотворную задачу научной аргументаціи своихъ тезисовъ путемъ спокойно-неотразимыхъ документальныхъ справокъ. Будетъ ли исполнено это съ научнымъ объективизмомъ и въ духѣ откровеннаго правдолюбія, — мы не знаемъ и пока, въ главномъ, раздѣляемъ воззрѣнія Шюрера. Іудейство (—наряду съ христіанствомъ—) получило драгоцѣнное наслѣдіе священныхъ писаній и спасается ими доселѣ, но его догматика выросла изъ загрязненной библейской почвы и въ свою очередь засоряетъ все поле, заглушая чистую пшеницу боговдохновенныхъ прореченій... Одинаково вѣрно, что въ духовномъ строѣ іудейства есть много достохвальнаго и еще больше удивительнаго до поразительности, а жизнь носить высокую печать рѣдкостной религіозной дисциплины и таить подъ собою богатые запасы религіознаго чувства, но въ принципиальномъ смыслѣ здѣсь господствуетъ такое соотношеніе, что практика ни чуть не искупаетъ погрѣшностей системы и сама осуждается теоріей иногда даже за особенно благородные порывы... Поэтому и Шюрера нельзя судить за то, что онъ точенъ въ передачѣ приговора судьи, который, обвиняя живыя и здоровыя силы, обличается въ старческой и безчувственной мертвенности...

По видимому, больше резонновъ имѣетъ другая укоризна гёттингенскому профессору. Новозавѣтная эра, какъ вѣкъ Іисуса Христа, условливалась преимущественно іудейскою исторіей, но не исчерпывается одними этими факторами и

соприкасается со всеми мировыми течениями. Посему для уразумѣнія новозавѣтныхъ временъ важно познаніе и тогдашняго языческаго міра, характеристику которою справедливо вводить въ свой сжатый и довольно тенденціозный учебникъ „Neutestamentliche Zeitgeschichte“ (Freiburg i. B. und Leipzig 1895) преемникъ Шюрера по гиссенской кафедрѣ Oscar Holtzmann (см. въ „Христ. Чтенія“ 1895 г., III, стрн. 645—648, и N п. „въ Theologisches Litteraturblatt“ 1896, I, Sp. 6—10). Противъ этого Шюреръ имѣетъ благословное извиненіе въ ограниченіи своей задачи, при чемъ нельзя забывать, что политическое положеніе Іудеи было таково, что изображеніе послѣдней необходимо должно было захватывать многія стороны греко-римскаго язычества. Въ этомъ отношеніи всѣ данныя привлекаются съ обычною полнотою, хотя съ преобладаніемъ чертъ внѣшнее административныхъ,—и возраженіе касается того, будто Шюреръ держится устарѣлыхъ и отсталыхъ взглядовъ. Еще въ началѣ текущаго года мы прочитали выходку (и опять изъ Англій), яко бы насчетъ римско-императорской эпохи нѣмецкій авторъ руководится до-момзеновскими антикварными предубѣжденіями (Mr. Lewin and Professor Bacon on the Passover въ „The Expositor“ 1899, XII, p. 438: „The work (of Schürer) is strongly biased in all that concerns Roman imperial history by a quite pre-Mommsenian and antiquated prejudice“). Съ сожалѣніемъ нужно упомянуть, что это изрекъ талантливый абердинскій проф. W. M. Ramsay, оказавшій большія услуги древней географіи (особенно—малоазійской) и въ послѣдніе годы непрерывно трудящійся надъ исторически-фактической разработкой новозавѣтнаго періода. Однако его достоинства не мѣшаютъ намъ констатировать, что съ извѣстною шотландскою пылкостью г. Рэмзей далъ воли больше личной раздражительности на своего неизмѣннаго дебатѣра и послѣшилъ пристегнуть даже памфлетъ Абрагамса... Мы знаемъ, что эти ученые не разъ сталкивались, и хотя намъ дорога компетентность абердинскаго классика, однако мы пока не видѣли ни пораженія, ни капитуляціи Гэттингена предъ выдвигавшимися противъ него „confident assertions and personal affronts“ (см. въ „The Expositor“ 1896, XII, p. 470). Во всякомъ случаѣ въ вопросѣ объ апостольской Галатіи мы не находимъ основательныхъ причинъ измѣнять Шюреру, а что до италійскаго и севастійскаго полка (Дѣян. X, 1. XXVII, 1), то его мнѣніе объ этомъ предметѣ Момзенъ напрасно и по недосмотру послѣшилъ назвать всячески ошибочнымъ (въ „Sitzungsberichte der Berliner Akademie“ 1895, S. 501: „was Schürer über die *σπίρα Σεβαστή* der Apostelgeschichte ausführt erscheint mir in jeder Hinsicht verfehlt“), поелику оба ученые совпадаютъ почти до тождества, и полемика Рэмзея захватываетъ самого столпа римской эрудиціи.

Заключеніе наше таково, что—и по богатству матеріала и по научной его обработкѣ—трудъ Шюрера долженъ быть признанъ цѣннымъ въ высокой степени. Практическая пригодность этого незамѣнимаго пособия будетъ понятна всякому по краткому перечню содержанія. Второй томъ посвященъ характеристикѣ „внутреннихъ состояній“ іудейства и открывається разсмотрѣніемъ „общихъ культурныхъ отношеній“ со стороны смѣшенія населенія, народнаго языка и распространенія эллинизма въ не-іудейскихъ и іудейскихъ областяхъ. По вопросу объ устройствѣ напередъ подробно обозрѣваются эллинистическіе города (числомъ 83), а послѣ описанія собственно іудейской территоріи документально очерчивается „великій синадріонъ іерусалимскій“—въ его исторіи, строѣ и компетенціи,—съ детальною рѣчью о первосвященникахъ. Священство и храмовой культъ излагаются подѣ слѣдующими рубриками: священство, какъ замкнутое сословіе; доходы; отдѣльныя должности; ежедневное богослуженіе—съ приложеніемъ замѣтки объ участіи язычниковъ въ культовыхъ отправленіяхъ. Книжничеству отведены параграфы о каноническомъ достоинствѣ свящ. писаній, книжникахъ и ихъ дѣятельности, галахъ и аггадъ и о знаменитѣйшихъ представителяхъ. Особо и обстоятельно изображаются фарисеи и саддукеи, а къ обзору школы и синагоги (общественная организація, чины, зданія, богослуженіе) прибавленъ анализъ молитвъ „шема“ и „шемоне-эсре“. Жизнь подѣ закономъ, какову реввинизмъ подѣ сѣнію послѣдняго хотѣлъ учредить по своимъ принципамъ, раскрывается и по общимъ основамъ и по частнымъ обнаруженіямъ и свойствамъ: суббота, законы о чистотѣ, омірщеніе религіозности, пути неправые. Специально выдѣляются мессіанскія надежды іудейства по ихъ отношенію къ древнѣйшимъ, по историческому развитію и въ систематической картинѣ, начиная съ предвареній и кончая эсхатологіей—съ эскурсомъ о страждущемъ Мессіи и главой объ отщепенвшейся партіи ессеевъ. Въ третьемъ томѣ намъ рисуются іудейство въ разсѣяніи и іудейская литература, при чемъ объемъ этого распространенія за Евфратъ, по Сирии, Аравіи, Малой Азій, Египту, въ Киренаикѣ, Греціи, по островамъ и въ Италіи освѣщается данными объ организаціи общинъ, гражданскомъ положеніи, религіозной жизни и прозелитахъ. Палестинская іудейская литература классифицируется по разрядамъ исторической, псалмо-поэтической, приточно-поучительной, увѣщательной-повѣтствовательной, пророчески-псевдэпиграфической и легендарной,—съ сообщеніемъ о магическихъ формулахъ и книгахъ. Эллинистическая письменность прежде всего характеризуется по переводамъ и библейскимъ переработкамъ и дополненіямъ, а потомъ разбирается по разрядамъ сочиненій историческихъ, эпоса и драмы, философіи, апологетики и подложныхъ іудейскихъ

писаній подѣ иудейскою маскою, сочинявшихся въ интересахъ пропаганды, — съ упоминаніемъ о риторѣ (вѣроятно, изъ евреевъ) Цециліи. Хотя Филонъ отмѣчался уже дважды, но ему справедливо отводится особая глава, гдѣ трактуется о сочиненіяхъ и ученіи египетскаго теософа.

Краткій перечень краснорѣчиво говоритъ объ общенаучной важности даваемыхъ свѣдѣній, а обиліе ихъ вызываетъ нужду въ подробномъ и точномъ указателѣ. Здѣсь новое побужденіе желать скорѣйшаго появленія перваго тома, гдѣ (по примѣру втораго изданія) будетъ приложенъ, конечно, и этотъ необходимый компасъ для вѣрнѣйшаго плаванія по морю Шюреровской учености. Пока же авторъ весьма удачно придумалъ двойную пагинацію съ помѣткой прежнихъ страницъ, почему ихъ легко провѣрить и разыскать по новымъ, для которыхъ пригоденъ и старый указатель. Тѣмъ не менѣе первый томъ ожидается съ большими надеждами.

Цѣна вышедшихъ—24 марки или 12 рублей.

Н. Г.

Ф. Тома. Нравственность и воспитаніе. Переводъ съ франц. Е. Леонтьевой. СПБ. 1900 г. Стр. 1—76. Ц. 30 к.

Небольшая книжка Тома очень содержательна. Въ ней, кромѣ крошечнаго предисловія, девять маленькихъ главъ.—Авторъ задался цѣлью пересмотрѣть современныя нравоучительныя „системы“, замѣнившія собою прежнія, нынѣ сданныя въ архивъ. Однакожъ, насколько нынѣшнія системы являются „новыми“? Не подновлены ли здѣсь старыя? Затѣмъ, насколько эти, выдаваемые за новыя, системы состоятельны, какъ „созданныя большею частію подѣ влияніемъ науки и искусства“? Какъ этими „системами“ можно воспользоваться въ отношеніи къ дѣлу „воспитанія дѣтей“ и проч. (Предисловіе)?

Такъ какъ въ наше время одни пытаются построить и „обосновать“ нравоучительныя системы „на одной наукѣ“, а другіе „внѣ всякой науки“, то прежде всего авторъ и разсматриваетъ этотъ, такъ сказать, исходный вопросъ объ отношеніи „науки и нравственности“ (1-я глава: стр. 3—10). Тѣ и другіе, по его мнѣнію, ошибаются, при чемъ особенными крайностями заявили себя первые. Истина—въ примиреніи крайностей. Наука имѣетъ большую цѣну: а) при ея помощи человѣкъ узнаетъ, „что“ онъ „изъ себя представляетъ“; б) человѣкъ „живетъ не изолированно“; внѣ отношеній къ другимъ, которымъ онъ всѣмъ своимъ достояніемъ обязанъ, онъ—ничто или почти ничто...; в) „великій законъ солидарности открыть“ и выясненъ со стороны его значенія

„наукою“; в) послѣдняя „борется противъ двухъ важнѣйшихъ причинъ нашихъ несогласій и раздоровъ: противъ невѣжества и нищеты“; г) „исслѣдованіе науки не можетъ не развить самыхъ драгоцѣнныхъ нравственныхъ качествъ“, каковы: „скромность, серьезность, твердость и ясность убѣжденій..., терпимость“. „Связь науки и нравственности“ самая тѣсная. Но преувеличеніе достоинствъ науки неосновательно: невѣрно, что будто бы только наука и ея адепты „дали наиболѣе точную формулировку долга и что одни лишь ихъ открытія содѣйствовали нравственному прогрессу человѣчества“: имѣя дѣло лишь съ „истинами, которыя могутъ быть проверены и доказаны“, наука не имѣетъ дѣла съ тѣмъ, что мы знаемъ, какъ „хорошее, лучшее, справедливое, обязательное..., благородное“ и что, между тѣмъ, и „служить основаніемъ всякой морали“. Затѣмъ, помимо всего прочаго, „наука не въ состояніи“ дать отвѣта на вопросы, которые для нравственности имѣютъ, однако, громаднѣйшее значеніе, каковы, напр., вопросы: о „сущности жизни“, о „свободѣ“ и проч. Не слѣдуетъ ни смѣшивать, ни игнорировать запросовъ „разума“ и „сердца“; удовлетворяя и тѣ, и другія надлежащимъ образомъ, мы только и будемъ правы. Наука не все-сильна, когда идетъ рѣчь объ установкѣ данныхъ нравственности, но и не бессильна: моралисты игнорировать ее поэтому не имѣютъ права...

Установивъ взглядъ на „науку и нравственность“, во второй главѣ (стр. 10—16) авторъ подвергаетъ оцѣнкѣ такъ называемую „нравственность безъ свободы“. Такая нравственность не была бы собственно нравственностью въ истинномъ смыслѣ слова, какъ независимая отъ внутренняго я человѣка; нельзя при ней говорить о какой-либо „отвѣтственности“... Такъ и думаютъ наиболѣе „послѣдовательные“ детерминисты. Другіе же изъ нихъ имѣютъ очень спутанное представленіе о вопросѣ, при чемъ нѣкоторые, не зная истиннаго смысла ученія своихъ противниковъ, сражаются собственно не съ этими, а съ индетерминистами, учащими о „*liberum arbitrium indifferentiae*“... Вопреки детерминистамъ, „намъ нужно внушать тѣмъ, кого мы воспитываемъ, увѣренность въ своихъ силахъ, глубокое, непоколебимое убѣжденіе, что они свободно могутъ работать надъ своимъ собственнымъ усовершенствованіемъ и что она будутъ тѣмъ, чѣмъ сами сдѣлаютъ себя“... Словомъ, „нравственность безъ свободы“ не можетъ быть принята и особенно допущена „въ практической жизни“.

Параллельно съ этимъ далѣе—въ третьей главѣ (стр. 16—23)—у автора подвергается разсмотрѣнію „нравственность безъ принужденія“. Здѣсь разумѣются воззрѣнія извѣстнаго французскаго моралиста—Гюйо, отличающіяся оригинальностью. Они таковы. „Мы—живыя, чувствующія и мыслящія существа. Самая характерная черта жизни есть то, что она непрестанно стремится къ развитію..., сдѣлаться болѣе ин-

тенсивной, болѣе плодотворной и болѣе свободной. Жизнь сохраняется только путемъ распространенія. Жить значитъ не только приобрѣтать, но и тратить. Жизнь—не только питаніе, но также воспроизведеніе и плодородіе“ (въ физическомъ и духовномъ смыслахъ): человѣку присуща „потребность произвести другой индивидуумъ...; умъ созданъ для того, чтобъ испускать свѣтъ“; всѣмъ намъ присуща „потребность дѣлиться“ своими чувствами съ другими людьми... „Все наше существо проникнуто общественностью“. Жизнь „не могла-бы быть вполнѣ эгоистичной“... Въ виду такихъ особенностей нашей жизни выходитъ, „что наиболѣе совершенный организмъ будетъ также наиболѣе общественнымъ“... „Въ нашей дѣятельности, въ нашемъ умѣ, въ нашихъ чувствахъ есть стремленіе къ альтруизму, стремленіе къ развитію, не менѣе сильное, чѣмъ дѣйствующее въ небесныхъ тѣлахъ, и это стремленіе къ развитію, достигнувъ сознанія своего *могущества*, само даетъ себѣ названіе *дома*“. Сущность послѣдняго можетъ быть выражена такъ: „если хочешь жить наиболѣе интенсивной и въ тоже время наиболѣе экспансивной жизнью, то развивай свою дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ; будь по возможности общественнѣе и общительнѣе; отдавай себя для другихъ“. Для того, чтобы выяснитъ необходимость „самопожертвованія“, Гюйо выводитъ на сцену „любовь къ физическому риску и любовь къ нравственному риску“, изъ которыхъ первая „существуетъ въ самомъ инстинктѣ жизни“, а вторая говоритъ о „благородствѣ“ нашей „воли“, о „полнотѣ“ нашей „жизни“... Тома возражаетъ, что „критерій“, предлагаемый Гюйо, не можетъ быть принятъ въ настоящемъ случаѣ: „жизнь можетъ развиваться и распространяться въ различныхъ направленіяхъ“ и быть „одинаково интенсивною“ (напр., у „Наполеона I и св. Викентія“); съ „эмпирической“ точки зрѣнія, на какой только и стоитъ Гюйо, невозможно доказать, что „полная жизнь одного мгновенія“ (это—когда рѣчь идетъ о „самопожертвованіи“) предпочтительнѣе „долгихъ годовъ, которые“ субъектъ „могъ бы еще прожить“; условнаго „долга“ совсѣмъ недостаточно; „проявленіе ли жизни—долгъ“, это—вопросъ; почему не „наилучшая жизнь—жизнь эгоистическая или чувственная“? А что касается „риска“, о которомъ говоритъ Гюйо, то онъ будетъ непонятенъ „обыкновеннымъ умамъ, умамъ толпы, большинства“... Словомъ, мораль Гюйо, подобно „всѣмъ чисто-натуралистическимъ нравственнымъ системамъ“, не удовлетворительна для своей цѣли.

Въ четвертой главѣ (стр. 23—34) разсматривается такъ называемый „солидаризмъ“ (здѣсь разумѣется моралистъ П. Леру). Можно ли найти разрѣшеніе мучительныхъ для человѣка загадокъ „въ принципѣ человѣческой солидарности“? Леру, Фуллье, Пэйю и др. смотрятъ на дѣло оптимистически. Существуетъ тѣсная связь между членами че-

ловѣческаго общества, подобно тому какъ она на-лицо между членами человѣческаго тѣлеснаго организма. „Человѣкъ обязанъ обществу тѣмъ, что въ немъ есть лучшаго“... „Мы не могли бы ни жить, ни развить своихъ способностей, еслибъ жили изолированными“. Всѣмъ обязанные обществу, мы— „должники“ его съ самаго своего рожденія. Мы обязаны „возвратить долгъ“. „Общество же имѣетъ право“ слѣдить „за оплатой“ послѣдняго. Такимъ образомъ возникаетъ „юридическая мораль“ съ единственною ея „добродѣтелью—справедливостью“, при чемъ естественно нѣтъ мѣста „милосердію“, въ какихъ-бы формахъ это ни проявлялось. Здѣсь все понятно и ясно. Споры неумѣстны. Разъясненіе этихъ мыслей воспитываемому нами иношеству, по мнѣнію дан-ныхъ лицъ, весьма полезно: дѣти съ малыхъ лѣтъ будутъ впитывать въ себя сознаніе своего долга къ обществу... Все это такъ, рассуждаетъ Тома, но не слѣдуетъ игнорировать и оборотной стороны дѣла. Напр., наши предки, совершая то или другое, или „очень мало думали о насъ“, или даже и нисколько (какъ часто произведеніе на свѣтъ дѣтей является лишь дѣломъ „каприза или случайности“!) не помышляли. Почему же мы обязаны „считать себя“ ихъ „должниками“? А если они, наряду съ благами, „передали также сорокъ милліардовъ долга и почти пустую государственную казну“? А что сказать о тѣхъ, къ кому, „выброшенному на улицу“ еще въ дѣтствѣ, общество относилось всегда съ однимъ невниманіемъ? Какой тутъ долгъ? Далѣе, при подобной точкѣ зрѣнія, никто не можетъ побудить меня дѣлать что-либо сверхъ долга, напр., помогать „нищимъ“..., такъ какъ я имъ не долженъ рѣшительно ничего. Если же убѣдили бы меня въ томъ, что, въ интересахъ общества, я долженъ оказывать имъ помощь, такъ какъ изъ нихъ могутъ выдти прекрасные люди..., то опять спрашивается: „почему обязанъ“ дѣлать это „я“, а не другіе, „болѣе“ меня „богатые“? При точкѣ зрѣнія Леру и К^о будетъ господствовать только одинъ „холодный расчетъ“. Все это—потому, что „принципъ солидарности“ односторонне и невѣрно истолкованъ. При правильномъ его пониманіи, „мы находимъ въ солидарности не одну справедливость“, но также и „братство и милосердіе“ (это и старается выяснитъ Буржуа)... Словомъ, „принципу солидаризма“, правильно понимаемому, Тома обѣщаетъ будущность.

Пятая глава (стр. 34—43) посвящена „пессимизму“. Нынѣ „пессимизмъ забыть“. Отсюда автору не представляется необходимымъ дѣлать подробный критическій разборъ его положеній, заявившихъ о себѣ „лѣтъ 20—25 тому назадъ“ и не разъ уже въ прежнее время серьезно разбитыхъ. Поэтому Тома ограничивается большею частію только краткимъ историческимъ очеркомъ положенія вопроса, выбирая наиболѣе интересные въ его — автора — глазахъ моменты

и известнымъ образомъ комментируя ихъ и вообще все дѣло.

Въ шестой главѣ (стр. 43—52) рѣчь идетъ объ „эстетической морали“. Охарактеризовавъ ее, указавъ ея хорошія и слабыя стороны, Тома дѣлаетъ заключеніе: „желаніе преподавать эту мораль нашимъ дѣтямъ было бы чистѣйшимъ вздоромъ... Молодежи нужны точные, краткіе принципы, а въ эстетикѣ такіе принципы — рѣдкость...; необходимо, чтобъ молодежь дошла до любви и уваженія къ долгу, чтобы она знала, что законъ, обязывающій ее, достоинъ уваженія и священенъ..., а именно этихъ понятій долга и непоколебимыхъ законовъ эстетика не показываетъ намъ. Возможно, что ея идеаль освѣтитъ всякую совѣсть, какъ и идеаль добра, но свѣтъ его будетъ менѣе живымъ и менѣе постояннымъ... У образованныхъ умовъ... эстетическая и нравственная эмоція сливаются настолько, что было бы излишнимъ отдѣлять одну отъ другой; но въ... умахъ... всѣхъ дѣтей это сліяніе никогда не бываетъ полнымъ. Скажите имъ, что прекрасно не воровать, не лгать, и они васъ не поймутъ; скажите имъ, что ихъ поступки несправедливы, что они не должны дѣлать другимъ то, чего они не хотятъ, чтобы дѣлали имъ, и они послушаются вашихъ совѣтовъ. Думать, что знакомство съ прекрасными произведениями природы и искусства могло бы“ содѣйствовать „преподаванію морали въ точномъ смыслѣ слова, значило бы дѣлать себѣ непозволительныя иллюзіи о способностяхъ молодежи“... Конечно, нельзя отказывать въ значеніи и „эстетическому воспитанію“, но это „значеніе“ лишь „второстепенное“; данное воспитаніе лишь „вспомогательное средство“, хотя и „необходимое“...

Предметъ седьмой главы (стр. 52—58) — „дилетантизмъ“. Тома разсматриваетъ его разносторонне, подмѣчаетъ въ немъ и симпатичныя, и непріятныя стороны, указываетъ разнообразныя послѣдствія чьего-либо имъ увлеченія и проч. Онъ говоритъ, между прочимъ, что „изъ однихъ дилетантизмъ сдѣлалъ скептиковъ..., другихъ превратилъ въ мечтателей и мистиковъ“..., что „изъ твореній учителей“ увлекающіеся даннымъ направленіемъ „запомнили то, что мораль независима отъ принциповъ, а добро, какъ все въ этомъ мірѣ, можетъ быть и не быть, что никто не сумѣетъ найти прочнаго якоря, чтобъ укрѣпить, наконецъ, свое судно; но они сохранили изъ нихъ также и прекрасныя теоріи искусства;... вынесли изъ нихъ культъ красоты..., болѣе глубокую любовь къ... гармоніи“... „Въ настоящее время“, замѣчаетъ въ концѣ главы Тома, „повсюду повторяютъ, что страна нуждается въ людяхъ, не мечтающихъ, но дѣйствующихъ, способныхъ желать и достигнуть исполненія своего желанія: сможетъ ли дать намъ ихъ дилетантизмъ“? Отрицательный „отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ ежедневно опытъ“... Дальнѣйшій выводъ ясенъ...

Въ слѣдующей—восьмой—главѣ (стр. 58—65) говорится о „долгѣ и выгодѣ“. Здѣсь имѣется въ виду преимущественно „система, проповѣдующая культъ долга для долга“ (Кантъ). Нравственный „долгъ“ является категорическимъ императивомъ, которому слѣдуетъ подчиняться, не требуя отъ него никакихъ оправданій“. Отъ насъ требуется „самоотреченіе, самопожертвованіе и самоотверженіе“. Поступокъ, въ основѣ котораго лежитъ что-либо другое, кромѣ „одного только уваженія къ долгу“, не можетъ быть одобренъ. Добродѣтельный человѣкъ, предъ сознаніемъ котораго предносится какое-либо представленіе о той или иной наградѣ, „спекулянтъ въ добродѣтели, а“ его „хорошіе поступки—выгодное помѣщеніе капитала!“ Тома одобряетъ ученіе о безкорыстной нравственности, но предостерегаетъ отъ увлеченій на этомъ пути. Иначе-де можетъ получиться „очень странное представленіе о добродѣтели и долгѣ“. Вѣдь, „переставъ любить себя, мы не съумѣемъ также любить другихъ... Мы прежде всего должны стараться защищать наше собственное достоинство..., ибо это нашъ важнѣйшій долгъ“. Увлеченіе теоріей „долга для долга“ можетъ привести къ странностямъ: получится, „что моя выгода одновременно низка для меня и священна для васъ, и... ваша выгода, долженствующая быть священной для меня, для васъ, напротивъ, низка. Слѣдовательно, одна и таже вещь одновременно и низка, и священна“... Не слѣдуетъ забывать того, что „нашъ долгъ“ и „наша выгода“ не „исключаютъ другъ друга по своей природѣ“... Особенно должно имѣть въ виду „толпу, неспособную... на хитрыя разсужденія“..., кромѣ того, „твердо вѣрящую, что во многихъ случаяхъ, если не всегда, нашъ долгъ повелѣваетъ намъ защищать свои собственные интересы... со всей нашей энергіей“. Если обратить вниманіе на то, „какъ иногда примѣняютъ мораль“, о которой идетъ рѣчь, то она „покажется подозрительной“, превращаясь въ „удобное средство“ въ рукахъ ея проповѣдниковъ, чтобы „господствовать, усыплять простыхъ и наивныя души разказами объ удовлетвореніи совѣсти и о наслажденіяхъ, доставляемыхъ исполненіемъ дѣла... и лучше удовлетворить интригановъ и ловкихъ людей“... Что касается, въ частности, дѣтей, то „они“, по словамъ Тома, „неспособны оцѣнить превысренность категорическаго императива“... Вѣдь извѣстно, что дѣтскіе „вопросы и отвѣты на урокахъ морали—чистое поугайничанье“... Словомъ, обобщаетъ свою рѣчь Тома, „истинный“ воспитатель долженъ „умѣть показать, какъ въ принципѣ долга наша личная выгода сливается съ выгодой нашихъ ближнихъ“.

Въ послѣдней—девятой главѣ (стр. 65—76) характеризуется „индивидуализмъ“—эта „великая болѣзнь нашего времени“, проявляющаяся въ „стремленіи индивидуума освободиться отъ всякаго авторитета и считать себя одновременно принципомъ и цѣлью общества, къ которому онъ принадле-

жить". Болѣзнь господствуетъ или заявляетъ о себѣ всюду: „въ семьѣ, въ школахъ, въ мастерской, въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, въ практической жизни“. Тома намѣчаетъ размѣры данной болѣзни, рассматриваетъ тѣ средства, какими можно было бы уврачевать ее..., и дѣлаетъ выводы. Чтобы помочь горю, надлежитъ „указать чловѣку его мѣсто въ специальномъ организмѣ, показать ему невозможность довольствоваться самимъ собою и существующую между нами тѣсную солидарность; возбудить въ немъ чувство этой солидарности и вытекающихъ изъ нея обязанностей“... Однакожъ, никогда не слѣдуетъ опускать изъ виду и того обстоятельства, „что общество имѣетъ значеніе лишь благодаря составляющимъ его индивидуумамъ“... и что, „провозглашая права общества“, нѣтъ оснований „дѣлать это въ ущербъ индивидууму“...

Полная множества прекрасныхъ мыслей и положеній, всюду въ ней разбросанныхъ, написанная отличнымъ знаткомъ дѣла, книжка Тома не можетъ быть не порекомендована читателямъ, хотя со многими ея мѣстами послѣдніе, конечно, и не могутъ согласиться (чит., напр., главу объ оцѣнкѣ морали „долга ради долга“ и пр.). Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что чтеніе данной, какъ сказано выше, очень содержательной книжки наводитъ на многія размышленія несомнѣнно плодотворныя, намѣчаетъ много вопросовъ, какими читатель не всегда могъ задаваться, освѣщаетъ много новыхъ сторонъ и пр. Самый переводъ сдѣланъ вполне хорошо. Недурна и вѣншность изданія. Безъ затрудненій миримся также и съ цѣною книжки, вовсе небольшою въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ послѣдней.

А. Бронзовъ.

Лжеименныя писанія Ветхаго Завета въ нѣмецкомъ переводѣ подъ редакціею проф. Е. Кауча. Тюбингенъ 1000 ¹⁾.

Въ числѣ памятниковъ, освѣщающихъ состояніе послѣднѣшняго іудейства, видное мѣсто занимаютъ „псевдэпиграфы“, называемые такъ по той причинѣ, что они выпускались и циркулировали подъ ложно присвоенными и надписанными именами.

Разумѣется, при этомъ вопросѣ на первый планъ необходимо выдвигается равинско-талмудическая письменность, вошедшая въ Талмуды и сохранившаяся помимо Бабли и Иерусалми. Однако этотъ источникъ нельзя считать ни единственнымъ, ни вполне достаточнымъ въ собственной

¹⁾ Die Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments in Verbindung mit mehreren Gelehrten herausg. von Prof. E. Kautzsch, Zweiter Band: Die Pseudepigraphen des A. T. s. Tübingen, Freiburg i. B. und Leipzig 1900. Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

его сферѣ. Здѣсь мы имѣемъ выраженіе лишь іудейскаго книжничества, которое не составляло всего Израиля, почему и не воспроизводитъ его во всемъ объемѣ. Правда, раввинизмъ былъ духовною аристократіею іудейской и управлялъ всѣмъ ходомъ религіозной мысли, былъ создателемъ и охранителемъ іудейской догматики, бывшей типическимъ воплощеніемъ духовныхъ стремленій націонализированной религіозности еврейской. Раввинистическія формулы и рѣшенія всегда были обязательнымъ конфессіональнымъ игомъ и служили показателемъ тѣхъ основъ, которыми ограждается религіозно-кровная исключительность „сѣмени Авраамова“. Поэтому для принципіальнаго сужденія объ іудействѣ догматическомъ (хотя бы оно фактически не осуществлялось и оставалось идеальнымъ для теоріи и практики) особое значеніе приобрѣтаютъ раввинско-талмудическіе документы. Не устраняетъ ихъ изъ научнаго аппарата пособій для изученія эпохи около временъ Христа Спасителя и то замѣчаніе, что они закрѣплены въ письмени и редактированы довольно поздно. Безъ сомнѣнія, іудейство подвергалось послѣдовательному развитію и вынуждалось христіанствомъ ко многимъ модификаціямъ, но во всякомъ случаѣ оно сложилось и опредѣлилось задолго до христіанской эры, такъ что измѣненія въ интересахъ антихристіанской полемики и апологетики направлялись къ укрѣпленію прежнихъ началъ путемъ болѣе отчетливаго раскрытія и наилучшаго обоснованія.

По этимъ соображеніямъ отрицаніе свидѣтельскаго достоинства Талмудовъ въ научномъ смыслѣ произвольно и влечетъ за собою немалый ущербъ для всякой конструктивной работы. При всемъ томъ не должно преувеличивать и обратнаго, когда получается новая односторонность. Раввинизмъ и его ученія, даже „каноническія“ (въ мишнѣ), обозначаютъ преимущественно догматическій принципъ и не захватываютъ самой жизни, не показывая и того, какъ первый преломлялся въ послѣдней и какую среду встрѣчалъ здѣсь для вытѣсненія или трансформаци. Тутъ требуются намъ отзвуки народной души—во всей неприкосновенности и со всѣми думами и чувствами, вѣрованіями и предразсудками, ожиданіями и разочарованіями, чтобы въ нихъ видѣть реальную дѣйствительность въ ея подлинныхъ очертаніяхъ. Таковыми и являются іудейскіе апокрифически-апокалиптическіе памятники. Несомнѣнно, что они не имѣютъ авторитетно-раввинскаго происхожденія и, можетъ быть, прямо разумѣются надъ категоріею тѣхъ „отреченныхъ книгъ“, которыя книжническая горделивость громила анаеемой либо отвергала презрительно. Эти писанія вышли изъ болѣе низкихъ слоевъ и фабриковались въ тѣсныхъ кружкахъ, подхватывавшихъ народные порывы и облакавшихъ въ популярныя формы. Посему, отражая народныя мнѣнія,

эти творения были вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозно-народною литературой, очень вліятельной въ массахъ и уже поэтому вторгавшейся иногда въ талмудическую книжность (а не наоборотъ, какъ утверждаютъ еврейскіе авторы для приданія исключительнаго престижа послѣдней и какъ это—по недоразумѣнію—подхватывается христіанскими писателями съ совершенно иными цѣлями незаконнаго усвоенія іудейской апокалиптикѣ преобладающей историко-документальной важности, для которой требовалась бы догматическая внушительность ея фактическаго воздѣйствія).

Въ этомъ смыслѣ іудейскіе псевдэпиграфы составляютъ незамѣнимое пособіе для изученія послѣпслѣннаго іудейства, а многими чрезмѣрно преувеличиваются то по увлеченію, то тенденціозно. Безспорно и объективно неизблемо лишь одно, что для пониманія фактическаго уровня религіозной мысли послѣпслѣннаго народа іудейскаго вообще и—частіе—въ періодъ около христіанской эры эти вульгарные апокрифы идутъ впереди другихъ свидѣтелей (о чемъ см. и въ нашей статьѣ „Благовѣстіе св. Апостола Павла и апокрифическая іудейская литература“ въ „Христ. Чтеніи“ 1900, № 6, стрн. 944 сл.).

По изложенному легко догадаться, что эта область привлекаетъ напряженное ученое вниманіе и изслѣдуется съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Она нашла и у насъ усерднаго работника въ лицѣ о. протоіерея А. В. Смирнова (нынѣ профессора богословія въ Казанскомъ университетѣ), который, давъ систематическое изложеніе въ докторатскомъ сочиненіи о „Мессіанскихъ вѣрованіяхъ и ожиданіяхъ іудеевъ около временъ Іисуса Христа (отъ маккавейскихъ войнъ до разрушенія Іерусалима римлянами)“, Казань 1899 (хотя въ прибавленіи къ „Ученымъ Запискамъ Казанскаго Университета“ печатаніе продолжалось и въ 1900 г.), ранѣе разсмотрѣлъ и перевелъ книгу Еноха („историко-критическое изслѣдованіе, русскій переводъ и объясненіе апокрифической книги Еноха“, Казань 1888) и выпустилъ (оттисками изъ „Православнаго Собесѣдника“) Книгу Юбилевъ или Малое Бытіе (Казань 1895; ср. въ „Церк. Вѣстникѣ“ за 1895 г., № 26, столб. 829—830) и Псалмы Соломона съ прибавленіемъ одъ Соломона (Казань 1896), а нынѣ общаетъ (Мессіанскія ожиданія, стрн. 8, 7) гевеводы Вознесенія Моисея и Завѣтовъ двѣнадцати патріарховъ, не подозрѣвая повидимому, что послѣдніе уже имѣются на русскомъ языкѣ въ старинной книжкѣ (Москва 1816) „Отрывокъ іудейскихъ древностей“ („Завѣщанія XII патріарховъ сыновъ Іаковлихъ“). Эти книги являются довольно отсталыми, потому что копируютъ лишь труды покойнаго А. Дильмана и не захватываютъ позднѣйшихъ, но самая идея о совокупной популяризаціи іудейскихъ апокрифовъ вполне резонна. Дѣло въ томъ, что эти памятники, открытіе и преимущественная разработка которыхъ

началась не такъ давно и продолжается доселѣ, не объединены въ цѣлокупности, и собраніе ихъ не совсѣмъ легко и оказывается разношерстнымъ (по разности авторовъ). Помимо того, немало ихъ дошло до насъ на мудреныхъ языкахъ и не имѣло переложеній въ однородной и компактной редакціи.

Во всѣхъ отношеніяхъ пользованіе представлялось довольно затруднительнымъ и часто требовало совсѣмъ напрасной затраты вѣческаго напряженія. Посему первая попытка г. Кауча, давшего всѣ іудейскіе апокрифы во второмъ томѣ изъ двухъ добавочныхъ къ нѣмецкому переводу Библии В. и Н. Завѣта (въ многообразныхъ комбинаціяхъ составныхъ частей), является безусловно счастливою. Исполненіе тоже удачно. Къ участию привлечены солидныя научныя силы, а самыя памятники подобраны хорошо и систематично. Сначала помѣщаются „псевдэпиграфическія легенды“ (стр. 1—127), во главѣ коихъ идетъ письмо Аристея; оно научно обработано покойнымъ дерптскимъ (корьевскимъ) проф. Л. Мендельсономъ и пока извѣстно въ этой отдѣлкѣ только по фрагментарной публикаціи (Jurjevi 1897) его коллеги проф. М. Крашенинникова, но переводчикъ П. Вендландъ есть вмѣстѣ и издатель всего поименованнаго труда, почему могъ воспользоваться имъ для своей нѣмецкой интерпретаціи. Книга Юбилеевъ, переведенная Е. Литтманомъ, получила новый видъ (по сравненію съ Дильмановскою версіей), поелику для реконструкціи текстуальнаго типа взяты всѣ дальнѣйшія улучшенія (см. и замѣтку F. Bohn'a zum 50jährigen Jubiläum der ersten deutschen Uebersetzung подъ заглавіемъ: Die Bedeutung des Buches der Jubiläen въ „Studien und Kritiken“ 1900, 2, S. 183—384), особенно обязанныя научной неутомимости R. H. Charles'a (нынѣ дублинскаго профессора). „Мученичество Исаи“ не столь важно, но все же обращало вниманіе еще древне-христіанскихъ писателей и обстоятельно комментировано приватъ-доцентомъ Г. Веромъ (Beer). Подъ рубрикою поэтическихъ псевдэпиграфовъ (стр. 127—148) въ передачѣ проф. Р. Киттеля приводятся лишь псалмы Соломона, для которыхъ много сдѣлано было въ послѣднее время. Учительное сочиненіе тоже одно (стр. 149—176) — такъ называемая четвертая книга Макковейская (не помѣщаемая въ славяно-русскихъ Библияхъ, хотя она и встрѣчается въ нѣкоторыхъ греческихъ кодексахъ, напр., синайскомъ и александрійскомъ); къ ней приложена опытная рука проф. А. Дейсмана. Рядъ апокалипсисовъ (стр. 177—528) открывается іудейскими книгами III—V (съ прооemium) сивиллъ въ переводѣ корифея эллинской премудрости проф. Фр. Блясса, который свои дарованія нынѣ съ рѣдкимъ усердіемъ посвящаетъ вопросамъ новозавѣтной письменности, специализировавшись больше всего на третьемъ Евангеліи и Дѣянїяхъ Апостольскихъ и защищающій касательно ихъ своеобразную текстуальную

теорію. Слѣдующей книгѣ Еноха, наиболѣе важной по своему содержанию, особенно посчастливилось въ текстуальномъ отношеніи, и она истолкована со всею солидностію Г. Беромъ. Вознесеніе Моисея представлено плодовитымъ авторомъ, занимавшимся и апокрифами іудейскими, привать-доцентъ К. Клеменомъ. Потомъ находимъ четвертую книгу Ездры. Это—характерный и цѣнный іудейскій апокрифъ, но его значеніе не выходитъ изъ этой сферы, догматически некомпетентной и даже подозрительной,—и перенесеніе даннаго апокрифа (подъ именемъ третьей кн.) въ наши русско-славянскія изданія, понятное и извинительное исторически по воздѣйствию латинства, возбуждаетъ справедливое удивленіе къ прочному сосѣдству его наряду съ писаніями священными, какъ незаконны и другія позаимствованія изъ Вульгаты, тѣмъ болѣе странныя, что предисловіе греческаго переводчика къ книгѣ Іисуса сына Сирахова по-русски совершенно опускается; прибавимъ еще, что русское пояснительное примѣчаніе къ 3 Ездр. (по с.-петербургскому изданію 1892 на стрн. 1189), скомпилированное, кажется, изъ сочиненія М. Шаврова, свидѣтельствуетъ развѣ о недоразумѣніи російскаго глоссатора, потому что рѣчи насчетъ латинскихъ рукописей онъ облыжно переноситъ на печатную Вульгату, хотя и по всякому здравому смыслу несомнѣнно, что „сдѣланныя съ послѣдней“ славянскій и русскій переводы не могутъ отличаться порядкомъ главъ, и раздѣленіе книги на двѣ измышлено русскою изобрѣтательностію... Все это горько, но вѣдь и правду скрывать не годится, а въ нашемъ случаѣ эти глубоко прискорбныя наблюденія наглядно отбѣняютъ достоинства нѣмецкой интерпретаціи проф. Г. Гункеля, обставленной фундаментальнымъ аппаратомъ. Апокалипсисъ Варуха изложенъ проф. В. Рисселемъ по двумъ редакціямъ—сирской и греческой, а Завѣты XII-ти патріарховъ переведены А. Шнаппомъ, давно уже выпустившимъ о нихъ спеціальное сочиненіе; еврейскій завѣтъ Нефеалпма переданъ Е. Каучемъ. Книга заканчивается „Жизнію Адама и Евы“ (должно титулованною у Тишендорфа *Apocalypse Mosis*) въ интерпретаціи К. Фухса.

Для облегченія всякихъ справокъ прибавлены указатели именъ, предметовъ и библейскихъ мѣстъ. Этимъ усугубляется общая пригодность изданія, которое не чуждо промаховъ и недосмотровъ, но имѣетъ и научную полезность, засвидѣтельствованную компетентнымъ судомъ E. Schärer'a (въ „Theologische Literaturzeitung“ 1900, № 7, столб. 201—205). Всѣ „введенія“ дѣйствительно вводятъ въ совокупность научныхъ вопросовъ о каждомъ апокрифѣ и хорошо освѣдомляютъ съ предметомъ, а для перевода избираются наилучшія чтенія, сопровождаемыя—въ обильныхъ примѣчаніяхъ—анализомъ всѣхъ варіантовъ (иногда по самымъ рукописямъ) и содержательнымъ комментариемъ. Славянскіе списки упоминаются, хотя — по

недоступности ихъ языка — цитуются по вторичнымъ пособиямъ, напр. по Чальзу и Бонвечу для книги Еноха, выпущенной недавно (въ IV-й кн. за 1899 г. „Чтеній въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, стр. I—IV + 1 — 112) московскимъ проф. М. И. Соколовымъ съ латинскою версіей и съ общаіемъ изслѣдованіемъ; однако за эти вынужденные пропуски нельзя особенно винить нѣмцевъ, если ими страдаютъ русскіе изыскатели, а, пожалуй, можно и поблагодарить за напомианіе о сокровищахъ славянской письменности. Всѣ работы проникнуты безпристрастіемъ научной объективности, и въ нихъ вездѣ показываются важнѣйшіе изъ наличныхъ оттѣнковъ, иллюстрируемые подлинными выписками для спорныхъ пунктовъ.

Съ увѣренностію говоримъ, что рассмотрѣнная книга представляетъ хорошее и сподручное пособіе, вполне достаточное для ознакомленія съ содержаніемъ іудейско-апокрифической литературы.

Цѣна ея—12 марокъ (6 руб.) безъ переплета, за который прибавка въ двѣ марки (1 р.).

Н. Г.

Проектъ правилъ для завѣдыванія Патриаршею (Синодальною) бібліотекою и для занятій находящимися въ ней рукописями и славянскими старопечатными книгами.

1) Патриаршая (Синодальная) бібліотека находится подъ вѣдѣніемъ Московской Святѣйшаго Синода конторы. Непосредственное же распоряженіе по дѣламъ бібліотеки возлагается на прокурора конторы.

2) Обязанности бібліотекаря и хранителя всѣхъ рукописей, старопечатныхъ и новыхъ книгъ и всего содержимаго въ бібліотекѣ возлагается на особое лицо, состоящее помощникомъ синодальнаго ризничаго. Нося званіе завѣдующаго Синодальной бібліотекой, лицо это содержитъ рукописи и книги въ должной цѣлости и порядкѣ, хранить ключи отъ бібліотеки и заботится о средствахъ наилучшаго ея поддержанія. На установленное § 3 сихъ правилъ вакаціонное время бібліотечные шкафы опечатываются печатами конторы, по распоряженію прокурора и ключи отъ помѣщенія бібліотеки передаются на храненіе синодальному ризничему.

3) Занятія рукописями и книгами происходятъ въ особо устроенной читальной залѣ. Читальная зала открыта для занятій ежедневно отъ 10 час. утра до 3 часовъ пополудни, за исключеніемъ неприсутственныхъ дней, всей Страстной седмицы и вакаціоннаго времени отъ 15 мая по 1 іюля.

4) Къ занятіямъ въ читальной залѣ допускаются лишь лица извѣстнаго начальствующимъ надъ бібліотекою лицамъ, всѣ же другія не иначе, какъ по рекомендаціямъ разныхъ

учрежденій и извѣстныхъ начальству библіотеки лицъ за ихъ ручательствомъ и отвѣтственностью. Разрѣшеніе на чтеніе рукописей и старопечатныхъ книгъ получается отъ прокурора конторы, при чемъ право на занятіе рукописями, отъ одного лица другому (напр. переписчику), безъ разрѣшенія прокурора, передаваемо быть не можетъ.

5) Требования рукописей и старопечатныхъ книгъ читатели собственноручно записываютъ въ заведенную для того книгу и получаютъ ихъ для занятій не позже, какъ въ слѣдующій день.

6) Болѣе 5 сочиненій и болѣе 5 списковъ или изданій одного и того же сочиненія въ одинъ разъ для занятій не выдается. Рукопись не бывшая въ употребленіи въ теченіи цѣлой недѣли сдается въ хранилище.

7) Читатели обязываются пользоваться выданными имъ рукописями со всевозможною бережливостью и не должны позволять себѣ ничего такого, что могло бы повредить ихъ сохранности какъ то: загибать листы, дѣлать отмѣтки на поляхъ, хотя бы то карандашомъ, портить переплеты и пр. Замѣченные въ нарушеніи этого, равно какъ и слѣдующаго за симъ, правила, на занятія рукописями библіотеки навсегда теряютъ право.

8) Для приготовленія палеографическихъ снимковъ съ рукописей дозволяется употреблять только цвѣтной или чернѣй, не масляный, карандашъ, а для копированія находящихся въ рукописяхъ рисунковъ и орнаментовъ, подъ условіемъ крайней осторожности, могутъ быть употребляемы и краски. Но употребленіе какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ чернилъ, а равно и копированіе рисунковъ и орнаментовъ посредствомъ накладки на нихъ восковой бумаги строго воспрещается.

9) Читатели, получившіе разрѣшеніе на чтеніе рукописей, на копированіе находящихся въ нихъ рисунковъ и орнаментовъ не имѣютъ права, которое получается лишь по особо уважительнымъ причинамъ и по особому разрѣшенію прокурора.

10) Для необходимыхъ справокъ при чтеніи рукописей, кромѣ печатныхъ и письменныхъ каталоговъ, принадлежащихъ библіотекѣ, читатели пользуются также и другими настольными, находящимися въ читальной залѣ, пособиями, равно какъ и новыми книгами, принадлежащими библіотекѣ покойнаго преосвященнаго Порфирія, причемъ выдача книгъ въ количествѣ, превышающемъ установленное въ § 6 сихъ правилъ, зависитъ отъ усмотрѣнія завѣдующаго библіотекою.

11) Во время занятій въ читальной залѣ запрещается всякій шумъ и громкій разговоръ. Посѣтителю продолжающему не смотря на напоминаніе, нарушать порядокъ и тишину можетъ быть запрещенъ входъ въ читальную залу.

12) Высылка или выдача рукописей для пользованія въѣ

библіотеки допускается лишь въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ, съ особаго каждаго разъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, на опредѣленный срокъ и лишь учрежденіямъ благонадежность которыхъ извѣстна Святѣйшему Синоду.

13) Выданными такимъ образомъ рукописями можно заниматься только въ помѣщеніи какого-либо ученаго, учебнаго или вообще правительственнаго учрежденія, но не на дому.

14) Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ изложенныхъ правилъ касательно занятій въ читальной залѣ находится на отвѣтственности завѣдующаго библіотекой. Кромѣ сего онъ, ведетъ реестръ лицамъ, допущеннымъ къ занятіямъ, съ указаніемъ времени ихъ допущенія, №№ рукописей, коими они пользовались и продолжительности ихъ занятій.

15) По возможности каждый годъ и не менѣе одного раза въ три года производится повѣрка имѣющихся въ библіотекахъ книгъ и рукописей, по описямъ черезъ комиссію въ составъ которой входятъ синодальный ризничій, завѣдующій библіотекою и одно изъ подвѣдомственнымъ конторѣ Св. Синода лицъ по ея усмотрѣнію. Къ повѣркѣ хранящихся въ библіотекахъ рукописей и книгъ принадлежащихъ Большому Успенскому и Архангельскому придворному собору, а также Чудову монастырю приглашаются депутаты отъ сихъ соборовъ и монастыря.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки